

ПРЕДИСЛОВИЕ

Irgendwo giebt es noch Völker und Heerden,
doch nicht bei uns, meine Brüder: da giebt
es Staaten. Staat? Was ist das?.. Staat heisst
das kälteste aller kalten Umgebener. Kalt
lügt es auch; und diese Lüge kriecht aus
seinem Munde: „Ich, der Staat, bin das Volk“.
Нищие.

Предлагаемый сборник был задуман в 1907 году. Часть его ¹⁾ написана еще в начале 1908 года. Словом, зарождение его и дальнейшее развитие совпало с периодом затишья в области национального движения, по крайней мере, видного.

В Австрии подавал еще надежды молодой парламент, избранный на основе всеобщего избирательного права, — и ожесточенность между национальностями приняла временно более мирный характер. В Венгрии — национальностям под безпошадным гнетом мадьяр, на время „присмирели“, замерли, как бы пританцались; косвенно и там сказалось обаяние нового австрийского рейхерата. В России, — с общим упадком общественной жизни, национальное брожение ушло в глубь; о национальном же лице ее „строительницы“ почти ничего еще не было слышно, а о Великой России едва только заговорили. Не дошло еще также до открытого „руклопашного боя“ между славизмом и германством...

Но с того времени фарватер национальной жизни круто изменился. Почти неожиданно, стихийно — как всегда — вновь пробудились страсти и страхи народов. И со свойственным современности темпом, национальный подъем быстро перекинулся с одной народности на другую, развивая повсюду огромную социальную энергию...

Съ новой силой и ожесточением возобновляется немецко-чешская борьба; крайние резкие формы принимают распри между чехами и словаками; чрезвычайного обострения достигают отношения между поляками и украинцами в Галиции и завершаются террористическим актом во Львовѣ. Видны, чисто юридическая формальность, так называемая аннексия Боснии и Герцеговины приводит в движение все южное славянство и вызывает глубокие политические потрясения, одно время грозившие

¹⁾ Почти весь первый отдел „Австро-Венгрия“ и часть статей о России.

даже разразиться войной между Сербией и Австрией, и лишь энергичное европейское вмешательство в состоянии подавить возбужденное национальное чувство. В Турции, — в ответ на аннексию, с редким единодушием проводится бойкот австрийских товаров, причинивший австрийскому народному хозяйству чувствительный ущерб: народы опередили дипломатию и самолично расправляются за нанесенные им национальные обиды. Под знаком национально-освободительного освобождения совершаются политические перевороты — в Турции и Персии. Одновременно поднимаются народности на Балканах и в Малой Азии. Бриты возобновляют свои попытки присоединения к Греции. Широко разрастается национальное движение в Индии, принимая все более угрожающий характер; усиливается брожение в Китае, Марокко, Египте. Весь восток становится ареной борьбы за национальное освобождение и независимость ²⁾.

Два крупных момента характеризуют переживаемую нами эру: крушение архаических форм государственного быта и всеобщее освобождение Азии от Европы, — от ее политической опеки и экономического порабощения.

И этот великий переворот выступает предъ нами в твердой оболочке национальной идеи.

Как некогда великая французская революция, так и революционное движение в России всколыхнуло государства и народы. И подобно тому, как общественный подъем и политическое пробуждение, охватившее после французской революции почти всю Европу, отделило прежде всего в формы широких возстаний за национальную независимость, наша эра — одна из величайших, быть может, в общественной эволюции нового времени — в еще большей мере, ознаменовалась стихийным взрывом национальных страстей и ожесточенной борьбой за права *национальности*.

В глубоком психологическом переломе, который принесла с собою крупная социальная изменения начала XIX столетия, национальная идея зародилась, в освободительных войнах против наполеоновского „уни-

²⁾ В то же время то тут, то там наблюдаются отдельные всплески национального чувства, порою мирного, порою агрессивного характера. Вновь воскресает старая идея панславизма, получившая яркое выражение в всеславянском конгрессе в Праге и целом ряде славянских манифестаций и съездов. В Италии происходит массовая демонстрация против Австрии за национальное освобождение итальянцев и лишение их университета в Тироле. В Северо-Американских Соединенных Штатах ирландцы и ильды (в лице двух наиболее крупных национальных организаций: „Ancient Order of Hibernians of America“ и „Deutsch-amerikanischer Nationalbund“) объединяются для общей борьбы против „англо-саксонского господства“ в государстве. Усиливается „сепаратистское“ движение в Каталонии (Испания), Исландии. Многие из этих разрозненных гонимых еще не могут быть в достаточной мере учтены и оценены, но многие из них несомненно являются первыми побуждателями новых политических факторов, которые так или иначе суждено играть важную роль в дальнейшем развитии народов. Сюда же следует отнести еще одно событие, занимающее — по своим делам и стремлениям — совершенно особое место в общей национальном концерте, но весьма значительное для современного национального подъема. Им было в виду первый еврейский съезд (декабрь 1908) в Черновицах, созданный для принятия меры к возрождению еврейского языка — жаргон, — событие, представляющее собою, по моему, одно из наиболее замечательных этапов в национальном движении евреев, может быть культурных наций вступивших в активную борьбу за свое национальное освобождение.

версализма", она сложилась и окрѣпла¹⁾, получила свое политическое крещеніе, и съ тѣхъ поръ она не сходитъ съ исторической сцены. Мало того. Со стихійной силой захватываетъ она одну этническую группу за другой, и по мѣрѣ того какъ она съ такой силой распространяется въ ширь, она все больше и больше просачивается въглубь, увлекая въ сферу своего вліянія одинъ общественный классъ за другимъ.

Сквозь толщу безчисленныхъ социальныхъ и экономическихъ наслоеній все рѣзче пробивается паружу „воля къ паціи“.

Одинъ за другимъ поднимаются народы, независимо отъ численности и степеней культуры, каждый обособляется. „самотверждается“, и, напрягая до крайности общественныя силы, каждый изъ нихъ добивается возможно большей полноты свободы для своей „национальной индивидуальности“.

Общественный процессъ демонстрируетъ предъ нами одно изъ его наиболѣе сложныхъ и захватительныхъ образованій,—причудливый кавризь всемірно-историческаго творчества.

Одновременно съ разрастаніемъ глубокихъ противорѣчій внутри общественнаго „организма“, наряду съ чрезвычайнымъ обостреніемъ экономическихъ, социальныхъ и политическихъ антагонизмовъ, съ рѣзкимъ расчлененіемъ общества на враждебные другъ другу классы,—словомъ, параллельно съ развѣвающей дифференціацией даетъ себя чувствовать другой, не менѣе властный процессъ, дѣйствующій какъ будто въ обратномъ направленіи,—процессъ *социально-психологической иммиграціи*, который путемъ цѣлаго ряда биологическихъ реакцій тѣсно сдѣлываетъ все эти центробѣжные элементы и сливаетъ ихъ въ одно неразрывное духовное цѣлое. И по мѣрѣ того, какъ крѣпнеть это цѣлое, въ его „частицахъ“ все осязательнѣе становится сознание принадлежности къ этому цѣлому. И въ постепенномъ взаимодействіи между ними связь все сильнѣе закрѣпляется, создается какъ бы особая форма, крѣпко обнимающая собою все разрозненныя части²⁾.

Именно лишь форму образуетъ национальность.

¹⁾ См. Friedrich Meinecke. Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates (Müncher-Berlin. 1908).

²⁾ Яркой иллюстраціей такого процесса, совершившагося, можно сказать, на нашихъ глазахъ, можетъ служить явленіе, наблюдаемое съ вѣкового времени въ Соединен. Штатахъ Сѣвера. Америкѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей на излюбленную тему объ „азиатизмѣ американизма“, Теодоръ Рузвельтъ, являющийся несомнѣнно однимъ изъ типичнѣйшихъ выразителей современнаго американизма, касается между прочимъ вопроса о прибывающихъ въ Соедин. Штаты переселенцахъ и говоритъ: „Мы должны сдѣлать изъ нихъ американцевъ во всѣхъ отношеніяхъ: въ ямкѣ, политическомъ, въглядѣ и принципамъ, но познанию и отношеніямъ къ церкви и государству. Мы приветствуемъ ирландца, стремящагося стать американцемъ, но намъ не нуженъ чужеземецъ, нежелающій отказаться отъ своей національности. Намъ не нужны янголь-американцы, ирландо-американцы, образующіе особый слой въ нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можемъ признавать *кроме американцевъ*“. (Курсивъ мой). См. Amerikanismus. Schriften und Reden von Th. Roosevelt. Das deutsch übertragene von Paul Rasché, стр. 22. Leipzig, Reclam). Выросши на политической культурѣ свободной республики и проникнуты демократическими традиціями американизма, Рузвельтъ, какъ и его единомышленники, не приходятъ, конечно, къ тѣмъ члвчково-эволюционистскимъ выводамъ, къ которымъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ ихъ антиноды въ старомъ свѣтѣ. Они остаются въ рамкахъ своего, такъ сказать, „практическаго идеализма“, и въ области внутренней политики дальнѣе требованія исключительнаго господства а г л і в с к а г о языка въ государственной школѣ—не идетъ. Хотя, съ другой стороны, весьма характерны такія явленія какъ закрѣпленіе въѣзда въ страну китайцамъ и японцамъ, рѣдкія назначенія негровъ на государственную и общественную службу и, last not least, съ каждымъ годомъ все усиливающіяся ограниченія противъ переселенцевъ изъ восточной и Южной Европы. Но все это явленія не чисто *национальнаго* порядка; на нихъ еще слишкомъ зачѣтна печать непосредственнаго воздѣйствія болѣе конкретныхъ причинъ. Однако, важно не это, а то характерное противопоставленіе себя, какъ *американцевъ—янгольцевъ* и *ирландцевъ*, иными словами, тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ въ значительной степени и сложилось народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ. Въ какія-нибудь два—три столѣтія, изъ хаоса народовъ, изъ аморфной массы разнородныхъ этническихъ осколковъ незамѣтно выкристаллизовался новый „организмъ“, прокламирующій свою особую духовную сущность,—и, что всего болѣе знаменательно, властно требующій признанія за нимъ абсолютнаго суверенитета во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни.

И постольку она такъ или иначе, въ связи съ объективнымъ ходомъ развитія, способна видоизмѣнять свое содержаніе. Болѣе того! Лишь только изъ глубокихъ низинъ безсознательной жизни поднимается на поверхность сознания новый социальный слой, какъ онъ начинаетъ претендовать на „преимущественное представительство“ данной національности, считаетъ себя ядромъ и наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ ея нуждъ и чаяній. И чѣмъ больше численность этихъ „слоевъ“ увеличивается, чѣмъ больше растутъ ихъ общественная активность, тѣмъ болѣе этотъ споръ разгорается, тѣмъ болѣе сама національность становится орудіемъ борьбы въ безчисленныхъ столкновеніяхъ этихъ слоевъ; въ связи съ этимъ, мѣняются даже понятія о національности, мѣняются ея цѣли и стремленія, мѣняются, наконецъ, и орудія достиженія этихъ цѣлей. Но все это происходитъ—отъ имени и во имя данной націи. Форма остается та же.

И чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе внутреннія тренія, тѣмъ интенсивнѣе окрашивается эта форма, тѣмъ болѣе она твердѣетъ, тѣмъ слитнѣе и замкнутѣе выступаетъ каждая национальность по отношенію къ „вышнему міру“,—къ другимъ национальностямъ.

Какъ произведеніе духовной культуры, национальность съ трудомъ поддается строгому анализу и разложенію на составные элементы. Тѣмъ труднѣе прослѣдить всѣ отдѣльныя перипетіи ея развитія, ея постепеннаго образованія и формировки. Это сдѣлать было бы трудно и тогда, если бы для каждаго даннаго случая были установлены всѣ тѣ вышнія матеріальныя условія, при которыхъ эта форма выливалась, если бы была выяснена вся конкретная общественная обстановка, ее обуславливающая; безусловны тѣ причинныя механизмы, которые перекидываютъ этотъ плавающий мостъ отъ вышняго реальнаго міра къ міру внутреннему, тѣ механизмы, при помощи которыхъ объективно-матеріальная среда претворяется въ психическую энергію, переходитъ въ субъективную жизнь—въ идеи.

Но какъ бы то ни было, предъ яркостью тѣхъ многообразныхъ социальныхъ „эффектовъ“, которые национальная идея повсюду вызываетъ, генетическая ея сложность ступшевывается, исчезаетъ. Национальность,—какъ ничто сознательное, какъ цѣль—все рѣзче и ярче выдѣляется на общемъ фонѣ социального бытія, она становится регуляторомъ общественной совѣсти, до известной степени сообщаетъ направленіе всему общественному

ной школѣ—не идетъ. Хотя, съ другой стороны, весьма характерны такія явленія какъ закрѣпленіе въѣзда въ страну китайцамъ и японцамъ, рѣдкія назначенія негровъ на государственную и общественную службу и, last not least, съ каждымъ годомъ все усиливающіяся ограниченія противъ переселенцевъ изъ восточной и Южной Европы. Но все это явленія не чисто *национальнаго* порядка; на нихъ еще слишкомъ зачѣтна печать непосредственнаго воздѣйствія болѣе конкретныхъ причинъ. Однако, важно не это, а то характерное противопоставленіе себя, какъ *американцевъ—янгольцевъ* и *ирландцевъ*, иными словами, тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ въ значительной степени и сложилось народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ. Въ какія-нибудь два—три столѣтія, изъ хаоса народовъ, изъ аморфной массы разнородныхъ этническихъ осколковъ незамѣтно выкристаллизовался новый „организмъ“, прокламирующій свою особую духовную сущность,—и, что всего болѣе знаменательно, властно требующій признанія за нимъ абсолютнаго суверенитета во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни.

руслу. Въ реальной, повседневной жизни национальность выступает предъ нами, какъ цѣлая сила, какъ самостоятельный, довлѣющій себѣ факторъ. И съ этой точки зрѣнія, именно, съ точки зрѣнія его практической важности въ конкретной общественной жизни, это новое историческое явление насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ.

Если окинуть взглядомъ современную „организацию міра“, мы видимъ, какъ нѣсколько націй только, незначительная въ сущности кучка народовъ, захватили въ свои руки власть и господство, вооруженные государственнымъ механизмомъ они „владѣютъ“ многочисленными племенами и народностями, на счетъ которыхъ умножаютъ свою мощь и богатства.

Сложные пути экономической эволюціи, тяга къ хозяйственной автархіи, династическіе интересы и все то, что приписывается такъ называемой „экспансивности человеческой души“,—словомъ, весь ходъ общественного развитія неуклонно ведетъ къ образованію огромныхъ политическихъ пространствъ, и со всей своей тяжестью этотъ процессъ собиранія земли врѣзывается въ тѣла народовъ, безощадно разрывая ихъ на отдѣльныя части, или сплюсывая въ одно государственное сложене. Остальное завершаетъ другой спутникъ капиталистическаго процесса—переселенческое движеніе, съ чрезвычайнымъ натискомъ вторгающее многочисленные этническія частицы въ поры чужихъ національныхъ организмовъ.

Современныя государства представляютъ собою пеструю этнографическія мозаики, оттѣненные только однимъ общимъ фономъ, — „constitutions générales“, какъ нѣкогда одинъ французскій политикъ прозвалъ до-объединенную Германію. Железнымъ кольцомъ облегаютъ они разрозненныя національныя группы—съ разнымъ историческимъ прошлымъ, съ разными культурами и съ различными, подчасъ противоположными, потребностями и запросами.

„Национальное государство“—этотъ великій лозунгъ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ котораго измѣнилась почти вся политическая структура Европы, оказался на дѣлѣ политической фикціей,—одно изъ обычныхъ злоупотребленій въ исторіи народовъ! Национальное государство осуществилось лишь постольку, поскольку государственная нація укрѣпила свое верховенство и наложила рѣзкую печать на все государственное строеніе.

Даже въ государствахъ, наиболее отличающихся своимъ национальнымъ единствомъ, даже и тамъ государственная жизнь рѣдко совпадаетъ съ жизнью національной. Во Франціи, напримѣръ, въ этой странѣ, столь щеголяющей своимъ единствомъ французскимъ характеромъ, мы находимъ, во-первыхъ, цѣлую кельтскую пародность, численностью въ 1.200.000 человекъ (3% всего населенія)—бретонцевъ, до сихъ поръ сохранившихъ еще свой особый языкъ и культуру; на Коренкѣ населеніе говорить по итальянски, и если прибавить еще кромѣ того все колониальное населеніе республики, тѣ пятьдесятъ милліоновъ арабовъ, евреевъ, мауровъ, китайцевъ, негровъ и т. д., то окажется, что „хозяева“ страны—французы—едва составляютъ половину ея населенія. Почти ту же картину мы наблюдаемъ въ Великобританіи, въ

Италіи, Испаніи, Голландіи. Рельефна эта національная смѣшанность выступаетъ въ Бельгіи и Швейцаріи¹⁾.

И чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ картина все рѣзче мѣняется. Мы все больше наталкиваемся на сплоченія народовъ разнаго происхожденія и различныхъ расъ, перебивающихся между собою въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ. Здѣсь въ периферіяхъ, занимающихъ среднее положеніе между Азіей и Западной Европой, — на пути великаго переселенія народовъ, здѣсь ослѣдъ различныя племена или остатки племенъ, которыя послѣ цѣлаго ряда завоеваній и политическихъ катастрофъ оказались раздѣленными между тремя государствами—Россіей, Австро-Венгріей и Турціей.

Стихийная сила историческаго процесса и явный произволъ расчетливой дипломатіи сказались въ этихъ государствахъ съ наибольшей силой. „Точно мощная рука разбила мозаику и долго трясла ее въ одномъ мѣстикѣ“. Рядомъ съ чрезвычайной разорванностью, съ дробленіемъ национальностей на части, „разбѣсанныя“ по разнымъ государствамъ²⁾, мы находимъ здѣсь неистощимое нагроможденіе многочисленныхъ этническихъ осколковъ въ одномъ мѣстикѣ,—механическую смѣсь, представляющую собою, однако, въ социальномъ и экономическомъ отношеніи замѣчательный комплексъ сплетеній и зависимостей. Достаточно только указать на весь западъ Россіи, на такъ называемую „черту еврейской осѣдлости“, гдѣ нѣтъ почти ни одного города, въ которомъ бока о бока не жило бы четыре-пять и даже больше національностей. При этомъ всема нерѣдко на одна изъ нихъ не составляютъ замѣтнаго большинства. Аналогичную же картину мы встрѣчаемъ въ Македоніи, въ многихъ комитахъ Венгріи, въ отдѣльныхъ округахъ Богеміи и Галиціи, отчасти на Кавказѣ и т. д.

Характерной особенностью національной структуры этихъ трехъ государствъ является то, что въ нихъ державная народность, та группа, которая руководитъ всей государственной жизнью, составляетъ только относительное большинство, только въ сравненіи съ каждой народностью, въ отдѣльности взятой, она численно сильна; но отношенію же ко всему населенію страны она находится въ значительномъ меньшинствѣ. Яркой иллюстраціей въ этомъ случаѣ можетъ служить слѣдующая таблица о составѣ населенія Габсбургской монархіи³⁾.

¹⁾ Въ Бельгіи, гдѣ до сихъ поръ еще французскій элементъ преобладаетъ въ государственной и общественной жизни, французы составляютъ всего 38,5% населенія; фламандцевъ же, лишь съ недавняго времени начавшихъ завоевывать себѣ національн. права, числится 42,2%. Швейцарія объединяетъ 4 национальности: итальянцевъ—60,9%, французовъ—22,1%, итальянцевъ—6,7% и, такъ называемыхъ, романцевъ—1,2%. Изъ нихъ только первые трехъ можно считать вполне полноправными въ національномъ отношеніи.

²⁾ Такъ, украинцы, напримѣръ, разбиты по тремъ государствамъ—между Россіей, Австріей и Венгріей. Поляки—между Россіей, Австріей и Германіей. Армяне—между Россіей, Турціей и Персіей. Румыны—кромѣ Румыніи населяютъ также Австрію и Венгрію. Маленькая сербская народность раздроблена на шесть частей. Точно также греки, болгары, албанцы и т. д., не говоря уже о евреяхъ.

³⁾ О статистикѣ национальностей въ Россіи см. влѣе статью М. Славинскаго „Национальная структура Россіи и великороссія“.

А В С Т Р И Я ¹⁾.

Б Е Н Г Р И Я.

Национальность.	Количество населения.	Въ проп.	Национальность.	Количество населения.	Въ проп.
Нѣмцевъ . . .	9.170.939	35,78	Мадьяръ . . .	8.742.301	45,4
Чеховъ . . .	5.955.397	23,23	Румынь . . .	2.799.479	14,5
Поляковъ . . .	4.259.152	16,61	Нѣмцевъ . . .	2.135.181	11,1
Украинцевъ . . .	3.375.576	13,17	Словаковъ . . .	2.019.641	10,5
Словенцевъ . . .	1.192.780	4,68	Хорватовъ . . .	1.678.569	8,7
Сербо-хорватовъ	711.380	2,75	Сербовъ . . .	1.052.180	5,5
Итальянцевъ . . .	727.102	2,84	Украинцевъ . . .	429.447	2,2
Румынь . . .	230.963	0,90			

Австро-Венгрия лишній разъ удостоверяетъ ту подавляющую силу, которой обладаетъ „территорія“ (въ смыслѣ географическомъ и экономическомъ), тотъ огромный перевѣсъ, который она имѣетъ предъ „национальностью“, — при образованіи и развитіи современныхъ государственныхъ формаций.

Точно каменная твердыня стоитъ предъ нами эта мозаичная государственная организация, обнаруживая чрезвычайную жизнеспособность и силы сопротивленія. Ни Тридцатилѣтняя, ни Семилѣтняя война, ни тяжелые удары Наполеона, ни бурные дни сорокъ восьмого года, ни, наконецъ, поражения при Сольферино и Кениггрецъ—не могли расшатать эту аморфную массу.

Вдохновитель чешскаго національнаго возрожденія Палацкий разъ выразился: „если бы Австріи не было, ее необходимо было бы создать“. Въ этихъ словахъ ярко сказалась вся идея австрійскаго государства. Экономическая взаимозависимость ²⁾, географическая конфигурація, своеобразное положеніе между вооруженными державами, — подъ тяжелымъ давленіемъ этой совокупности факторовъ племенная границы стерлись, ступевались, — во имя „высшихъ интересовъ“ чуждые другъ другу народы и культуры должны были слиться въ единую государственную массу.

Красной нитью этотъ всенивелирующій процессъ государства тянется черезъ всю исторію человѣческаго общежитія, сметая на своемъ пути народы, уничтожая вѣковыя культуры. Романизация кельтскихъ и многочисленныхъ италійскихъ племенъ въ древнемъ Римѣ, германизация славянъ въ имперіи Карла Великаго, все такъ-называемые мертвые языки, до сихъ поръ сохранившіеся въ такомъ изобиліи, являются „живыми“ свидѣтелями этого разрушительнаго процесса ³⁾.

¹⁾ Согласно официальному исчисленію (по переписи 1900 г.) — такъ называемая „национальность, государственной признавши“. Въ сущности же въ Австріи живетъ 11 национальностей. Ибо сербы и хорваты считаютъ себя двумя отдѣльными народностями (см. ниже статью „Южные славяне“), точно также слѣдуетъ считать отдѣльно словаковъ въ Моравіи, численность австрійской статистикой къ чехамъ, и затѣмъ — евреямъ, которые въ политическомъ отношеніи не признаются въ Австріи особой национальностью (см. статьи „Поляки“ и „Евреи“).

²⁾ См. Rudolf Sprinzer, Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie (Wien 1906), стр. 205 ff.

³⁾ Cp. Ludwig Gumplowicz. Der Klassenkampf (Innsbruck, 1883).

Одна изъ многочисленныхъ дисгармоній соціальнаго бытія!

И какъ ни велика была та стимулирующая сила, съ какой національный принципъ ворвался въ европейское общество XIX столѣтія, — факторомъ государственнаго объединенія онъ сдѣлался лишь тамъ, гдѣ въ основу его легло географическое и хозяйственное единство: объединеніе Германіи и Италіи ¹⁾. За предѣлами же этого единства вліяніе національнаго принципа какъ бы ослабѣваетъ, огромная часть нѣмецкой націи отходитъ къ Габсбургской монархіи, точно также значительная часть итальянцевъ остается въ предѣлахъ объединенной Италіи. Памятниками скорѣе безсилія національнаго принципа, чѣмъ его торжества являются также Балканскія государства. Лишь отдѣльные фрагменты балканскихъ народностей добились государственной самостоятельности, — постольку, поскольку національному освобожденію послѣднихъ благоприятствовали политическіе или династическіе интересы великихъ державъ. Вся же остальная масса, почти половина сербовъ, столько же румынь, значительная часть болгаръ, грековъ и т. д. до сихъ поръ остаются подъ владычествомъ чужихъ народовъ, несмотря на тѣ отчаянныя усилія, которыя они дѣлаютъ, чтобы присоединиться къ своимъ государственнымъ соплеменникамъ.

По своей природѣ государство прямая антитеза національности, полнѣйшее ея отрицаніе. Современные государства представляютъ собою прежде всего организациі хозяйственнаго порядка, условіями производительности и обмена определяется, главнымъ образомъ, ихъ существованіе и развитіе ²⁾. Въ этомъ весь историческій трагизмъ негосударственныхъ народностей, не менѣе роковымъ это обстоятельство становится и для народности державной, — для государства во всей его совокупности.

Огромный ростъ человѣческихъ потребностей и въ связи съ этимъ желѣзная необходимость въ усиленіи средствъ производительности до крайности обострили борьбу между народами. Съ чрезвычайной бдительностью, ревнливо, оберегаютъ они каждую пядь своей власти, — этого важнѣйшаго орудія для сохраненія своего мѣста въ мировомъ составѣ. Коалиціями и вынужденными компромиссами обезпечивъ сферу своего вліянія и звѣрь, народы „стоящіе у власти“ съ тѣмъ большей силой налегаютъ на своихъ соплеменниковъ внутри. Путемъ всяческихъ ограниченій и репрессалій они ослабляютъ производительныя способности искорененныхъ народовъ, стремятся оборвать между ними все живыя связи, — языкъ, книгу, школу, свирѣпо душатъ всякое проявленіе общественной или личной жизни. Они употребляютъ все усилія къ тому, чтобы обезцвѣтить противника и загнать его, ибо только такимъ путемъ они въ состояніи отстоять свое верховенство.

И по мѣрѣ того, какъ хозяйственная жизнь страны развивается, и зависимость центра — господствующей націи — отъ периферій растетъ.

¹⁾ Cp. Friedrich Ratzel, Politische Geographie. (Leipzig, 1897).

²⁾ R. Springer. Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie.

въ рядахъ первой все больше увеличивается кругъ заинтересованныхъ въ ея власти и господствѣ. На авансцену общественной жизни выступаютъ купцы, промышленники, банкиры, интеллигенція,—все элементы очень мирные „сами по себѣ“, но далеко вемирно настроенные, когда дѣло касается насущныхъ ихъ интересовъ. Съ ихъ появленіемъ агрессивность, наступательное движеніе „націй“ не только растетъ, но въ него все больше и больше вносятся элементы сознательности, идеологии. То, что раньше происходило болѣе стихійно, начинаетъ созаваться всѣми, какъ культурная необходимость. Главенство становится предметомъ программы и болѣе того — предметомъ вѣры, міросозерцанія. Не мало въ этомъ направленіи дѣйствуетъ пробуждающееся національное чувство, то „взрывчатое вещество“, которымъ такъ легко разжечь любую общественную страсть. Жажда къ господству, къ первенству постепенно охватываетъ все болѣе широкіе слои общества. Поэты наряжаютъ ее въ пурпурную мантию поэзии, ученые — экономисты, государствовѣды, политики раскрашиваютъ ее подъ благородный цвѣтъ научныхъ постулатовъ. Главенство становится „святыней націй“.

Современный империализмъ!

Различно эти империалистскія тенденціи преломляются сквозь психику отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и соответственно интересамъ послѣднихъ принимаютъ разнообразныя конкретныя формы. Различны также тѣ средства, коими та или иная общественная группа стремится осуществить свои империалистскіе идеалы. И если у однихъ эти тенденціи воплощаются въ гуманичную идею „культурной миссіи“, то у другихъ она вырождается въ ярый шовинизмъ и членовоенавистничество. Но въ конечномъ счетѣ результаты получаются всегда и вездѣ одинаковы: суверенное меньшинство — въ цѣляхъ своего обогащенія и могущества рѣшительно игнорируетъ интересы подчиненнаго ему большинства, и сознательно или безсознательно попираетъ ногами его самыя элементарныя права, священныя права самоопредѣленія.

Англо-саксонскій „Britannia rules the waves“, великорусскій „Великая Россія“ и тому подобныя перефразированныя девизы другихъ державныхъ народовъ — большихъ и малыхъ — все это лишь разныя выраженія для одного и того же содержанія! Главенство матеріальное и главенство интеллектуальное, *де-націоналізація* и *де-католицизація* (подъ угломъ зрѣнія современнаго общественного развитія эти понятія — синонимы!) подвластнаго соперника являются высшимъ государственнымъ принципомъ. На немъ строится законодательство, государственное управленіе, хозяйственная политика, — вся государственная машина приспособляется къ этому политическому императиву.

Но какъ ни богато и разносторонне „соціальное творчество“ современнаго централизованнаго государства, какъ ни разнообразны тѣ разрушительныя, мертвящія средства, которыми располагаетъ главенствующая нація въ лицѣ этого обличеннаго безграничной мистической власти „девіаціана“, — остановить побѣдительное шествіе пробуждающихся народностей она не въ силахъ.

Ассимилирующій процессъ государства — это типичное явленіе вѣрхнихъ историческихъ эпохъ, сыгравшее столь печальную роль въ судьбахъ поко-

ренихъ народностей и „упрошавшее“ въ значительной мѣрѣ политическія и административныя задачи государствъ былыхъ временъ, — процессъ поглощенія одной народности другой ширѣ почти прекратился. Въ особенности въ Европѣ она не имѣетъ больше мѣста.

Представляя собою процессъ чисто органической, являясь результатомъ скрещенія, смѣшанныхъ браковъ, массовая ассимиляція возможна лишь тамъ, гдѣ происходитъ непрерывный притокъ свѣжихъ человѣческихъ массъ. Она обуславливается прежде всего широкой земледѣльческой колонизаціей, гдѣ длительно, такъ сказать, *инфльтрація* многочисленныхъ элементовъ господствующей народности естественно растворяетъ политически болѣе слабое туземное населеніе¹⁾.

Но измѣненіе мировой конъюнктуры, экомическій подъемъ и индустриализація новыхъ малозаселенныхъ земель отвлекаетъ почти весь излишекъ населенія въ новыя страны, колонизаціонное движеніе, происходившее раньше въ предѣлахъ Европы, получило съ теченіемъ времени другое направленіе, оно перенеслось за океанъ, въ Сибирь, въ среднюю Азію. Процессъ ассимиляціи лишился въ европейскихъ государствахъ одной изъ важнѣйшихъ его предпосылокъ: постоянного *массоваго* обмѣна човѣческаго матеріала. Въ средѣ поработеннаго иворядческаго населенія главенствующая народность образуетъ лишь незначительную бюрократическую или торговую надстройку, строго изолированную во вражескомъ ставлѣ. Растверять подвластнаго соперника она лишена возможности.

Между тѣмъ, внутреннее развитіе народовъ, какъ мы видѣли уже выше, все больше и больше увеличиваетъ ихъ упругость и силы сопротивленія²⁾.

¹⁾ Лучшимъ прихотомъ тому, насколько процессъ ассимиляціи зависитъ преимущественно отъ биологическихъ законовъ, можетъ служить огромное ассимилирующее вліяніе Рима и срязательное безсиліе Греціи въ отношеніи. Давленія первого почти всегда сопровождалось широкой крестьянской колонизаціей, образованіемъ во вновь приобретенныхъ областяхъ многочисленныхъ колоній съ преобладающимъ италійскимъ населеніемъ, въ то время, какъ греческая колонизація состояла преимущественно изъ торговыхъ элементовъ, являвшихся въ страну въ весьма маломъ размѣрѣ, количествѣ. — Сообразно съ характеромъ и направленіемъ колонизаціоннаго движенія дѣйствуетъ также въ среднѣ вѣка процессъ германизаціи. На юго-востоки Европы, куда шель главный потокъ средневѣковой нѣмецкой эмиграціи — крестьянскій, мелкій ремесленникъ и т. д., огромная часть туземнаго славянскаго населенія ойбачилась. На востоки же, гдѣ обшала главнымъ образомъ вѣнскій контеръ и чехованскіе, германизаторскія понятія остались тѣсными, несмотря на то, что тамъ и до сихъ поръ еще преобладаетъ нѣмецкое крупное земледѣліе, во власти котораго находится главный рычагъ общественной и политической жизни. — Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ въ северной Америкѣ. Несмотря на то, что первыми колонизаторами страны были нидерландцы, явившіеся туда значительно раньше англичанъ, нидерландская культура не оставила тамъ никакихъ слѣдовъ. Нидерландская колонизація, рекрутировавшаяся, главнымъ образомъ, изъ крупныхъ торговцевъ, должна была въ концѣ концовъ уступить мѣсто англійской земледѣльческой колонизаціи: массовая ванька англійскихъ крестьянъ, переселявшихся туда съ жанами и дѣтьми и рѣшало ошдавшихъ на землѣ, наложилъ рѣзкую печать на все дальнейшее развитіе американскаго общества. Ту же тѣсную связь между процессомъ ассимиляціи и колонизаціоннымъ движеніемъ, непосредственную зависимость первой отъ послѣдняго, мы можемъ прослѣдить почти на всемъ протяжении исторіи. Искусственное же, насильственное обезличеніе, ассимиляціонная политика *никогда не имѣла успѣха*. Ср. Friedrich Ratzel: „Politische Geographie“, стр. 31 и.

²⁾ См. также выше статью Р. Шарингера: „Политическая эволюція національностей въ Австро-Венгріи“.

Твердо и неуклонно пробуждающаяся народности пролагают себе путь к культурной и социальной независимости, отвоевывая все более прочную и неустрашимую позицию. В рамках государственной организации вырастает реальная политическая сила, движущаяся согласно собственным законам, совершенно независимо от высших юридических норм.

И под тяжёлым напором тех движений, вращений и оборотов, которые описывает эта сила в круговороте общественной жизни, приходит в сотрсение весь механизм государства, приуроченный исключительно к интересам одной народности,—рушится государственное здание.

В своем упорном натиске процесс национальной кристаллизации вырывается далеко за пределы того круга интересов, которые он, как и всякий другой духовный процесс, собою выдвигает,—того обаятельного мира впечатлений, чувств, стремлений, целей,—социально-психологическим выражением которых является язык, религия, право, мораль, искусство и т. д. Представляя собою синтез творческой работы в сферах общественных классов, являясь результатом всеобщего пробуждения виками придавленных народных сил, процесс национализации, таяно вспыхнувшее пламя, перебрасывается с одной сферы общественных интересов на другую, в нем сходятся и расходятся все нити общественной жизни. И чем больше, с прогрессирующим развитием национальностей, общественные их потребности дифференцируются и разитализуются, тем шире становятся те круги, которые ощущают необходимость в удовлетворении этих потребностей. Тем больше плоскость трений между угнетенными народностями и державной расширяется, тем больше разномождается поведение для тяжёлых конфликтов и столкновений,—все области государственной жизни становятся ареной ожесточенной борьбы между этими двумя враждующими лагерями. „Империальным“ интересам державной народности негосударственной национальности противопоставлять свои национальные и социальные интересы, властно требуя их удовлетворения.

Империализм и национализм, хозяйственная авторитет и национальная автономия,—это те два главных двигательных силы, Сицила и Харибда, в круговороте которых очутилось так называемое государство национальностей. Эти два мощных социальных фактора, стройно гармонирующие в едином национальном государстве, бесконечно сталкиваются в государстве с разнородным национальным составом, и в своих безнеленных трениях до крайности запутывают и осложняют и без того полную противоречий и антагонизмов общественную жизнь. Они ведут к глубоким политическим потрясениям, сильно парализуя весь ход государственного развития.

Целью этих тяжёлых общественных конфликтов в различных их проявлениях и в тех многообразных релиях, которые они играют в каждой отдельной социально-политической среде, — стремится настоящий сборник.

Своеобразная психическая структура национального чувства, те элементы

страстности, экстаза, которые оно содержит, частое воплощение, в силу этого, национальной идеи в романтическую грезу, в мистический сон, наконец, та, так сказать, универсальность, которой отличаются национальные интересы, затрагивающие, если и не в одинаковой мере, *все* общественные классы,—все это придает национальному движению особое характерное выражение, в высшей степени усложняя и затемняя настоящую его сущность. Проследить это движение в различных его периодах и формах, наметить, таким образом, важнейшие контуры национальной проблемы; содействовать, если не практическому ее разрешению, то хоть теоретическому выяснению,—поставила себя целью предлагаемая книга.

В настоящей том вошли Австро-Венгрия, Россия и Германия. В этих трех государствах, как в kaleidoscope, национальное движение разворачивается пред нами во всех стадиях его развития, начиная с почти инстинктивных, судорожных напряжений, первых опытов борьбы—сибирских племен против грубого гнета и произвола, и кончая мощной, строго организованной политической борьбой чехов в Австрии за высшие национальные права.

И если этими материалами формы национальной борьбы и способы ее разрешения еще далеко не исчерпываются, если национальная проблема еще не достаточно охвачена здесь во всем ее объеме, то национальное движение, как таковое, уже и здесь выступает пред нами во всей его внушительности, во всей его великой культурно-исторической роли. Как ли глубоко различно оно в этих трех государствах, как по времени возникновения, и степени его интенсивности, так и по той высшей политической обстановке, в которой оно происходит¹⁾, по содержанию национальное движение остается все же одинаковым, обнаруживает посюду оди и те же тенденции: в мучительном процессе „борьбы за существование“ народы творят высшие формы государственного бытия.

В заключение несколько пояснений формального характера. Изложенные выше стремления сборника и его строго-научный цель уже сами указывают на те строго определенные рамки, которые должны были держаться участники этой коллективной работы: объективное изложение (насколько вообще мыслима объективность в общественных вопросах, и в особенности, в столь обостренном и запутанном, как национальный!) случае, игнорируя по возможности долженствующее, предоставив говорить самим фактам.

¹⁾ В то время как в Австрии, например, национальности постъ долгих мучительных напряжений уже отвоевали себе значительные национальные права, или находят, по крайней мере на пути к этому, где борьба ведется скорее не против государства, а среди национальностей между собой—за государство,—в России и Венгрии угнетение и безправие негосударственных достигает чрезвычайных пределов. В частности в России национальный гнет принимает тем более угрожающий характер, что агрессивность господствующего великорусского племени, не выходящая раньше за пределы техных кругов его правящих сфер,—со вступлением нослѣднего в активную политическую жизнь, начинает охватывать все более широкие слои его.

Этот, так сказать, болѣе описательный методъ изслѣдованія сдѣлалъ возможнымъ и даже отчасти необходимымъ, чтобы въ сборникѣ сошлись люди различныхъ научныхъ взглядовъ и политическихъ направленій (но одинаковыхъ, разумѣется, практическихъ пожеланій!). Если благодаря этому въ обработкѣ материала и получается нѣкоторая „пестрота“, то, съ другой стороны, это даетъ намъ какъ разъ возможность ознакомиться съ національной проблемой, *видѣть* ее въ разныхъ ея плоскостяхъ. Само собою разумѣется, что ответственность какъ авторовъ, такъ и редакціи не простирается дальше предѣловъ ихъ собственныхъ статей.

Чтобы получить по возможности выпуклую картину развитія національнаго движенія, чтобы сдѣлать различныя его фазы болѣе наглядными, — каждой національности въ отдѣльности удѣлена особая глава, причемъ для достиженія возможно большей безпристрастности въ смыслѣ „междунаціональныхъ отношеній“ статьи по мѣрѣ возможности распределены между представителями каждой данной національности, что влечетъ съ тѣмъ придаетъ сборнику характеръ „человѣческаго документа“, своего рода парламента національностей. Что касается порядка размѣщенія материала, то редакція придерживалась болѣе объективнаго въ данномъ случаѣ „критерія“, — численности той или иной народности, согласно даннымъ официальной статистики.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, въ сборникѣ, къ сожалѣнію, не вошли эсты, нѣмцы, а также татары, національное движеніе которыхъ въ побѣднѣе время принимаетъ все болѣе широкіе размѣры и несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для будущаго политическаго развитія Россіи¹⁾. Осталось также неразмѣреннымъ національное движеніе румынъ въ Австро-Венгріи.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что событія самаго послѣдняго времени въ области національнаго движенія, въ особенности, движеніе національнаго вопроса въ государственной думѣ и т. д., какъ еще не поддающіеся научному анализу и освѣщенію, по мѣрѣ возможности исключены изъ круга изслѣдованія настоящаго тома.

А. Кастелянскій.

¹⁾ По тѣмъ же обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ, осталось также неразмѣреннымъ одинъ изъ болѣе знаменательныхъ моментовъ русскаго національнаго движенія, — я имѣю въ виду происходившіе въ 1905 и 1906 гг. съѣзды автономистовъ-федералистовъ, въ которыхъ участвовали представители почти отъ всехъ народовъ Россіи. Статьи объ этомъ интересномъ событіи, въ связи съ размѣрившемъ національнаго вопроса въ Россіи съ обще-государственной точки зрѣнія, къ сожалѣнію, не могла попасть въ этотъ томъ. Выпускаемый въ свѣтъ сборникъ вообще представлялъ цѣлый рядъ затрудненій, среди которыхъ немало чисто-техническаго свойства, чѣмъ часто объясняется его запозданіе. Уже одно то обстоятельство, что участники сборника разсыяны буквально по разнымъ уголкамъ Европы, и что рукописи доставлялись на разныхъ языкахъ, для которыхъ нѣрѣдко нелезя было даже найти подходящихъ переводчиковъ, — до крайности тормозило его составленіе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ НАЦИОНАЛЬ- НОСТЕЙ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

I. Начало конституціонной эры.

Домартовскій періодъ.

Адамъ Мицкевичъ въ своихъ „Лекціяхъ о славянской литературѣ“ (4-ая лекція, годъ 3-ій, изд. 1842 г.) слѣдующимъ образомъ изображаетъ государственное устройство Австріи до революціи 1848 г.: „Эта имперія насчитываетъ 34 милліона жителей; въ сущности же, въ ней не болѣе 6 милліоновъ душъ, ибо 6 милліоновъ нѣмцевъ держатъ у себя въ подчиненіи 28 милліоновъ всехъ остальныхъ племенъ. Но если изъ этихъ 6 милліоновъ вычтеть еще (нѣмецкихъ) крестьянъ, ремесленниковъ, торговцевъ и т. п., какъ вовсе не принимающихъ участія въ управленіи страной, то останется максимумъ 2 милліона австрійцевъ, которые господствуютъ надъ всей этой огромной массой. Эти два милліона людей, или вѣрнѣе — ихъ интересы и взгляды представлены приблизительно сотней семействъ, которыя принадлежатъ къ нѣмецкой, венгерской, чешской, польской и романскимъ національностямъ, но говорятъ все на французскомъ языкѣ и хранятъ свои капиталы болѣею частью за границей. Имѣя къ своимъ услугамъ два милліона чиновниковъ и солдатъ, они властвуютъ надъ остальными 32 милліонами населенія. Это въ сущности *сообщество, дѣйствующее по образцу англійской остъ-индской торговой компаніи*, которая также властвуетъ надъ большою территоріей. Обыкновенно объ этой Австріи имѣютъ ложное представленіе; на дѣлѣ она никогда не была ни нѣмецкимъ, ни венгерскимъ, ни славянскимъ государствомъ, а только вѣнкой, объединившей всехъ тѣхъ, кто поставилъ себѣ цѣлью высасывать жизненные соки изъ столькихъ обширныхъ и густо населенныхъ земель“.

Этотъ суровый приговоръ въ одно и то же время и справедливъ, и не справедливъ. Въ старой Германской имперіи главенствовали Габсбургскій домъ;